

КАК ЖИВУТ В ГЛУБИНКЕ

— КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ —

Loft. Современный роман. В моменте

Анна Чудинова

**Как живут в глубинке.
Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чудинова А.

Как живут в глубинке. Комплект из 3 книг / А. Чудинова —
«Эксмо», 2024 — (Loft. Современный роман. В моменте)

ISBN 978-5-04-250491-4

Комплект из 3 книг - платите меньше, читайте больше! В состав входят: Верховье, Филькина круча, Искус. Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. Верховье Смерть отца Али изменила ее мать и обеих бабушек. Мама отгородилась от мира, бабушка Иза чересчур опекает Алю, а бабушка Тая совсем не общается с внучкой. После второго курса университета Аля едет в деревню на Пинеге, где живет бабушка Тая и где много лет назад умер ее отец. Аля пытается понять, что тогда произошло с ее семьей и почему странная старуха-соседка считает, что Аля может спасти ее от существа, которое поселилось в ее теле еще в детстве. Тина учится в аспирантуре филфака и пишет диссертацию о мифическом существе, которое вселяется в женщин, живущих в деревнях на севере России, где протекает река Пинега. Тина погружается в мрачную историю и мифологию Пинежья, а параллельно переживает болезненные отношения со своим женатым научным руководителем, почти не покидая съемную студию на окраине Петербурга. Филькина круча В одном уральском городе есть небольшая рощица со странным круглым домиком — Филькина круча. Дети это место обожают, а взрослые его сторонятся, потому что о нем ходит недобрая молва. Говорят, во время Гражданской войны здесь врачевал знахарь Филька, пока однажды не случилось кое-что страшное. С тех пор это место «заражает» своей тайной всех, кто оказывается рядом. Теряющая память учительница, мальчик, который слышит голоса, озверевший от страсти почтальон, священник, не принимающий свой дар, три друга, связанные предательством — каждый испытывает на себе влияние Филькиной кручи. И никто не останется прежним. Искус Паскаль — робкая девушка с мужским именем — живет в маленьком приморском городке, закованная в цепи местных традиций, которые обязывают ее выйти замуж и обеспечить старость родителей. Она не может сбежать, ощущая, как город, окутанный густым маревом местных поверий,

искажает мировосприятие, лишает воли, привязывает к себе. Случайность сталкивает ее с Певницей, чужой этому месту, харизматичной и своенравной женщиной. Она убежденно верит, что сможет изменить жизнь Паскаль. В качестве свадебного подарка она предлагает увезти ее в путешествие. Чем обернется эта странная дружба? И получится ли у Паскаль освободиться от навязанных обязательств и выбрать себя? Роман «Искус» вошел в лонг-лист премии «Лицей» 2023 года. *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250491-4

© Чудинова А., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Полина Максимова	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Как живут в глубинке

Полина Максимова
Верховье

Любимым женщинам моей семьи

© Максимова П., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть первая

Глава 1

Аля

Дверь в спальню была закрыта, я тихо постучала и вошла. Задребезжало стекло в старом серванте, где Иза хранила нетронутую посуду и свою коллекцию слоников из керамики, малахита, розового кварца и венецианского стекла. В комнате стояла густая, затхлая темнота, плотно задернутые шторы не пропускали ни солнечные лучи днем, ни свет фонарей ночью. Торшер с тканевым абажуром, который Иза сшила сама, бессмысленно очерчивал тускло-янтарный ореол где-то в углу. На низкой яркости горел экран телевизора, звук его тоже был убавлен до минимума. Резные стрелки настенных часов с дрожью преодолевали минуты, каждый раз громко щелкая. Сама Иза сидела спиной к двери в старом громоздком кресле, его выпирающие пружины скрипели от любого шевеления. Мне была видна только ее светловолосая макушка.

– Иза, мы поехали. Я хотела попрощаться.

Она не повернулась, но на мгновение показалась костлявая рука в кольцах. Иза взяла пульт и сделала звук еще тише.

– Привезти тебе шаньги от бабушки Таи? Или, может быть, варенья, свежих ягод? Ведерко грибов?

– Не надо мне ничего от твоей бабки Таи. – От Изы по комнате расплзался холод, казалось, у меня изо рта пойдет пар.

– Ну зачем ты так?

Заскрипели пружины. Иза прибавила звук, я вышла и закрыла за собой дверь.

На кухне звенела посуда – мама складывала наши чашки в сушилку. Опять поставит что-то не так, придет Иза и начнет все переключивать, а может, и перемывать, греметь еще звонче, чтобы мы непременно услышали. Нет, не мы. Теперь только мама.

Дорога от дома до вокзала занимает минут десять, и все равно мы чуть не опоздали на поезд, который уже ждал на платформе, когда нас привезло такси. Небо с самого утра было мрачным, сейчас тучи сгущались, копили силы, чтобы обрушить на город мощный ливень.

Мы с мамой нашли нужный плацкарт. Здесь уже сидела старушка в белом платке с голубыми цветами. Желтоватое лицо, голова дергается, как у болванчика. Мне почудилось, что шея ее скрипела, но это старушка качала ногой и пинала свою тележку с хозяйственной сумкой, та лягала в ответ на каждый толчок.

– О, как девица-хвалёнка. Куды така едет-то? – встрепенулась старушка.

– К бабушке, на Пинегу, – ответила за меня мама.

– А докуды?

– До Карпогор, а там в Лавелу.

– Я сама с Суры, – кивая головой, сказала старушка. – А вы городские?

– Да, с Архангельска.

Проводник крикнул, чтобы провожающие покинули вагон. Мы с мамой повернулись друг к другу и обнялись на прощание.

– Уезжать в дождь – хорошая примета, – сказала мама, глядя из окна вагона на низкие, тугие тучи, похожие на налитые сизые сливы.

Мама верила во все приметы, которые знала.

– Я немного волнуюсь, – сказала я.

– Если честно, я тоже. Не думала, что ты когда-нибудь решишь поехать на Пинегу. Но Таисья Степановна, бабушка Тая, – добрая женщина. Иза думает, Таисья Степановна в чем-то перед нами виновата, но это не так.

– Я знаю.

– Ну, ни пуха ни пера! – Мама три раза сплюнула через плечо и постучала по столу.

– К черту, – вздохнула я.

Мама аккуратно подхватила свою сумочку, поцеловала меня в щеку и вышла. Я смотрела на нее из окна. Такая же худая, как Иза, но не высокая, такая же элегантная, но не старомодная, она встала на перроне напротив моего плацкарта, спрятав руки в карманы черного плаща. Ветер раздувал ее медовые волосы. Пряди прилипли к блеску на губах, и мама убрала волосы за уши, открыв старые изумрудные серьги Изы. Какое-то время мы с мамой пытались общаться жестами. Мама указала на меня пальцем, а потом сложила ладони в лодочку и положила их под голову – ложись спать, и время пролетит быстро, имела в виду она. Я помотала головой и придвинула раскрытые ладони к лицу – нет, буду читать, показала ей я. А потом поезд тронулся.

Глава 2

Тина

Она лежит в его объятиях, животом он прижимается к ее спине, они пытаются отдышаться на мятой простыне. Тина – аспирантка, Виктор – ее научный руководитель. Она пишет кандидатскую, он – докторскую. Оба они занимаются фольклором. Она – северорусским, он – японским.

– Когда покажешь, что написала за последнее время? – спрашивает Виктор.

Тина поворачивается к нему. Лоб Виктора надвое делит морщина. Строгий взгляд умного мужчины пронзает замершую Тину.

– Зачем сейчас об этом говорить? – спрашивает она. – Хорошо же лежим.

– А когда об этом говорить?

– Не знаю. За столом? – Тина целует его ладонь.

– За столом ты не ответила.

– Имею в виду, не когда мы ужинаем, а когда работаем, – уточняет она. В квартире у Тины только один стол – барная стойка. За ней они обычно и едят, и работают.

– Так ты мне ответишь? Или мне сесть за стол и спросить тебя оттуда?

Тина не успевает понять, шутит он или говорит серьезно, как Виктор вытаскивает онемевшую руку из-под ее горячего тела и прямо так, обнаженным, идет за барную стойку и раскрывает ноутбук. Тине на кровать он швыряет книгу. Твердый уголок обложки царапает ногу.

– Виктор!

– Ну, мы за работой. Теперь говори.

Тина вздыхает. Виктор не дает ей поблажек.

– Нашла один интересный поворот в теме. Но пока еще только копаю в том направлении.

Тина смотрит на след от обложки на ноге. Кожа содралась, но крови нет.

– Расскажи, я помогу.

– Спасибо, но я пока сама. Хочу тебя удивить.

Тина смотрит на Виктора – он улыбается. Тина тоже улыбается и снова расслабляется. Виктор умеет заставить ее чувствовать себя напряженной и нерешительной, а через миг – уверенной в себе и желанной. Жара в комнате снова становится уютной. Виктор возвращается в постель и целует Тину. Он целует ее шею, грудь, живот. Тина счастлива, она приподнимает

голову, чтобы посмотреть на Виктора, но в глаза бросается книга. Поцарапанной ногой Тина спихивает книгу с кровати, откидывается на подушку и закрывает глаза. Виктор ласков с ней, как теплая летняя река, она – песчаный берег. Без него она рассыпается на миллион песчинок.

Глава 3

Аля

Три года назад в сентябре, когда выпускной класс школы только начался, я сказала маме с Изой, что буду поступать в Питер на журналистику. Для меня это было, пожалуй, слишком смело, мы все это понимали, но мама тактично промолчала. Наверное, думала, что я в конце концов не решусь. Иза тоже. Она глумливо захихикала и сказала, что я домашняя кошка, которой не выжить в дикой природе. Сказала, что кровожадный город прожует мою нежную плоть и выплюнет мои тонкие кости, а собирать их будет Иза, как когда-то собирала по кусочкам мою маму. Она была уверена, что такая тихоня, как я, не справится с переездом, да и журналистом никогда не станет. Она думала, я выберу библиотечное дело и, так же как мама, буду работать в библиотеке на набережной, где когда-то работала и сама Иза. Но я попросила маму записать меня к репетиторам и упорно занималась. До февраля Иза продолжала насмешничать, а потом сменила тактику и стала мучить нас с мамой своими мигренями.

В квартире нельзя было включать телевизор, громко разговаривать и тем более смеяться. С утра мы быстро собирались, чтобы уйти до того, как Иза встанет завтракать, потому что наша суматоха ее нервировала, а зажженный свет, без которого темным зимним утром не обойтись, раздражал ее глаза, усиливая боль. После уроков я шла либо к репетитору, либо к маме в библиотеку, где занималась до конца ее рабочего дня, лишь бы подольше не идти домой, где στεнала Иза. Я продолжала верить, что поступлю и уеду, даже когда Иза упала, я все еще продолжала верить, что уеду.

Упала Иза в марте недалеко от библиотеки – в месте, которое она очень любила. Там на пересечении набережной Северной Двины и улицы Логинова стояла Успенская церковь, куда Иза ходила ставить свечки. Между церковью и библиотекой недавно открылся памятник Петру и Февронии, а напротив был мостик с перилами, увешанными замками с именами молодоженов и датами их свадеб. Рядом с мостиком – плавный спуск с проезжей части вниз на пешеходную часть. Летом дети съезжали с него на роликах и самокатах, зимой – школьники на лыжах. Весной в гололед спуском почти не пользовались, здесь легко было навернуться, а удержаться не за что.

В тот мартовский день Иза решила подойти ближе к реке и воспользовалась именно этим спуском. Почти сразу ее нога поехала вперед, Иза упала и покатила вниз, собирая пушистый снежный слой и оголяя лед. Она съехала прямо в ноги мужчине, выгуливающему своего пса. Это был черный лабрадор-ретривер – так сказала сама Иза. Его морда – последнее, что она запомнила, перед тем как потеряла сознание.

Иза сломала ребро, но лечь в больницу отказалась. Тогда ей прописали анальгетики, постельный режим, физио и дыхательную гимнастику. Будто все это было предложено на выбор, Иза только закидывалась обезболом, а в остальном проводила свои дни как обычно: скрючившись в кресле перед мерцающим телевизором или за домашними делами. Виноваты в этом были мы с мамой, не приученные к быту. Иза делала все сама, ничего нам не поручая. При этом шум пылесоса, возня мокрой тряпкой по полу и шипение масла на сковородке неизменно сопровождалась шкворчанием самой Изы: «Все приходится делать самой!» Она жаловалась на несправедливость, ругала нас, лентяек и неумех, но каждый раз, когда мама порывалась помочь, Иза ее осаждала. «Не умеешь – не берись!» А я даже и не пыталась браться.

Когда Иза заболела, мы с мамой решили, что теперь-то нам будет позволено помогать. Пока я вытирала пыль, а мама мыла полы, Иза молча сидела у себя в спальне. Но когда мы заканчивали, Иза доставала мокрые тряпки вновь и все перемывала. Особенно долго она возилась со своим сервантом, сдувая пыль со слоников. Замерев, мы с мамой слушали, как фигурки стучат и стучат по стеклу.

Со стиркой тоже все было сложно. Иза не хотела ждать, когда мы этим займемся. Пока нас не было, она запускала машинку и стирала даже постельное белье, а потом развешивала отяжелевшие от влаги простыни и пододеяльники на сушилку над ванной. Упрямая ершистая Иза не слушала нас и поступала по-своему. Я представляла, как от всей этой работы, должно быть, хрустят ее ребра, как трутся друг о друга сломанные косточки, крошатся и истончаются, а их осколки попадают в кровь.

Через три недели мы узнали, что ребро у Изы срастается неправильно. Надо было назначать новое лечение. К удивлению, Иза согласилась лечь на обследование, строго соблюдала советы врача, но часто жаловалась на боли в боку. Целые дни она проводила в постели, изредка выбираясь из своей пещеры, передвигаясь по квартире раненой пумой, мало ела и плохо спала. По ночам она ворочалась и вздыхала. Я слышала это из другой комнаты.

Тогда мы и вернулись к разговору о моем поступлении. Мама поддержала Изу, которая решила, что сейчас нам троим надо быть рядом, ведь неизвестно, сколько ей еще отпущено.

Я осталась в Архангельске, затаив на Изу обиду, которая становилась все острее, когда после моего зачисления в местный университет она быстро пошла на поправку и впервые за целый год стала прежней Изой, все еще колючей, но ее иголки смягчились, почти не оставляли следов.

Утешилась я тем, что все-таки выбрала кафедру журналистики. Иза не противилась – диплом, который я получу, позволит мне работать и в библиотеке.

В конце второго курса мне надо было решить, куда я пойду на практику. Завкафедрой говорила, что самый быстрый способ стать журналистом – поехать куда-нибудь в область и писать для местного издания, где часто недостает рабочих рук. Я ухватилась за эту идею и попросила кафедру направить меня в газету Пинежского района, где жила моя вторая бабушка, по линии отца.

И все началось по новой.

Иза делала из моей поездки чуть ли не трагедию, я тоже была на взводе, потому что отчасти ехала назло Изе, отчасти и правда этого хотела.

Весь июнь дома было тихо и тревожно. У меня началась сессия, дни я проводила за учебниками и конспектами у себя в комнате. Иза не вылезала из своей спальни. Иногда я ездила в университет на консультацию или экзамен, Иза выходила в магазин за продуктами. Мы совсем не разговаривали друг с другом. Наше молчание к вечеру застаивалось в воздухе, душило меня, не знаю, как Изу. Рассеивалось оно только с возвращением мамы, которая болтала с Изой и со мной, включала музыку и открывала окна. Она любила, когда шумно и светло.

Настало время уезжать на Пинегу на целый месяц, а мы с Изой так и не заговорили друг с другом, даже толком не попрощались.

Глава 4

Тина

В начале этого учебного года, когда только начинался второй курс аспирантуры, Тина хотела поменять научного руководителя. До этого она бегала от Виктора Николаевича, потому что ей некогда было заниматься диссертацией. Тина училась и много работала, чтобы оплачи-

вать аренду квартиры, в которую только что переехала, и заниматься исследованием не успевала. К тому же она пришла на филологический после другого факультета и год наверстывала материал, который ее одногруппники усвоили еще на бакалавриате.

Летом Тина все-таки взялась за диссертацию, которая сразу же ее увлекла. Она ждала осень, чтобы обсудить наконец свою тему с Виктором Николаевичем. Но в сентябре тот еще не вышел из отпуска, а когда появился на факультете, то не проявил к Тине никакого интереса. Он и не вспомнил ее: ни когда она поздоровалась с ним в коридоре, ни позже на занятии у ее группы. Тина решила, что сама виновата, но ей сказали, что Виктор Николаевич сторонится и других студентов. Он опаздывал на лекции, а после вылетал из кабинета стремительно, ни с кем не прощаясь. На кафедре его никто не мог застать, каждый перерыв преподаватель как сквозь землю проваливался. Кто-то говорил, что Виктор Николаевич бродит по набережной, кто-то клялся, что видел, как он гуляет по парку скульптур во дворе, кто-то заметил его в факультетских катакомбах – коридорах, которые находятся ниже уровня земли, кто-то – в лабиринте бывших столярных мастерских. И не раз, если верить сплетням, во всех этих местах Виктор Николаевич появлялся одновременно.

Тина уже решила, что ничего у них не получится, но однажды в октябре, выходя из университета, она увидела, что вдоль длинного здания факультета со стороны Кадетской линии ей навстречу идет сам Виктор Николаевич.

Она прижалась к забору, подождала, пока преподаватель поравняется с ней, и тогда позвала:

– Виктор Николаевич!

Тот резко остановился и хмуро посмотрел на нее.

– Я пишу у вас диссертацию. Меня зовут Тина, не знаю, помните ли вы меня. В том году мы нечасто встречались. Но в этом году вы ведете у нас пару по вторникам.

Виктор Николаевич кивнул – то ли помнит, то ли дал понять, что слушает. Тина продолжила:

– Летом я поработала над исследованием. Хотела рассказать вам о теме, которую выбрала, – Тина пыталась поймать взгляд своего научного руководителя, но тот скользил по мокрому асфальту, по мертвым листьям, по ее забрызганным грязью ботинкам.

Он снова кивнул. Невольно рассматривая его еще смуглое после отпуска лицо, расстегнутое черное пальто, густые темные волосы, Тина почувствовала себя неухоженной. Она машинально провела рукой по длинным спутанным волосам. Пальцы застряли между прядей, смутившись, она быстро выдернула руку, но Виктор Николаевич ничего не заметил. Воздух был влажный, лицо холодила морось, к ним, смеясь, приближалась компания студентов. Тина подождала, пока они пройдут, и заговорила:

– Я решила писать об икоте – персонаже пинежского фольклора. Пинега – это река в Архангельской области, вдоль нее много деревень.

Виктор Николаевич посмотрел ей в глаза и нахмурился. Впервые Тине показалось, что он ее все-таки слушал.

– Да, думаю, это интересно. Исследований таких пока мало, – сказал он.

Теперь уже Тина кивнула, она молча ждала, что ее научник скажет что-то еще, но тот снова опустил глаза на ее обувь. Тине захотелось стряхнуть его взгляд вместе со следами октябрьской слякоти.

– Я хотела рассказать вам, что уже нашла. Вы сможете завтра уделить мне время? – прервала молчание Тина.

– Встретимся после третьей пары? – предложил Виктор Николаевич, снова посмотрев Тине в глаза.

На следующий день после третьей пары Тина отправилась на кафедру. Не успела она постучать, как ей пришло сообщение в мессенджере. Научник писал, что он в кафе неподалеку

от факультета. Тина прошла по Университетской набережной, затем по Кадетской линии и свернула на Средний проспект. В кафе стоял гул студенческих голосов. Знакомого лица не видно. Тина вышла из зала в небольшой коридор, где висело зеркало и едва умещалось старое пианино. За инструментом оказалась едва заметная арка – проход в другой зал. Видимо, мало кто знал об этом втором зале, здесь было тихо и светло, стояло всего три столика. За одним из них сидел Виктор Николаевич, два других были не заняты.

Научник Тины поднял голову от ноутбука и улыбнулся:

– Как тебе мое секретное место?

Тина села напротив него.

– Я уже собралась уходить, подумала, что-то перепутала. В том зале все занято.

– Ты заказала себе что-то? – спросил Виктор Николаевич. Перед ним стояли открытый ноутбук и чашка черного кофе.

– Еще нет.

– Я закажу. Что будешь?

– Латте, пожалуйста. Сейчас, – Тина потянулась к сумке.

– Не надо, – отмахнулся Виктор Николаевич и ушел к кассе в переполненный студентами зал.

Тина заперезживала, неловко было пить кофе за счет научника. Она ведь еще даже не начала диссертацию. Тина была уверена, что пока не заслужила, чтобы он угощал ее кофе. Вот если бы у нее уже была хотя бы одна опубликованная статья, как у ее одногруппника Вадима...

Когда Виктор Николаевич вернулся, он закрыл свой ноутбук, который разделял их с Тиной.

– Ну, расскажи мне про пинежский фольклор.

Спустя четыре чашки кофе на двоих, у них уже был готов план параграфа диссертации и целой научной статьи. Тина увидела в Викторе Николаевиче того азартного ученого, о котором слышала на факультете. Говорили, он так увлекается исследованиями, что может позвонить своему аспиранту в субботу поздно вечером, чтобы поспорить о каком-нибудь термине, порекомендовать книгу или обсудить свои свежие правки. Если аспирант брал трубку, то прервать Виктора Николаевича было невозможно, приходилось садиться за ноутбук, открывать текст диссертации, делать пометки, и так до самой ночи. Студенты знали, что Виктор Николаевич нарушает личные границы, поэтому старались не выбирать его своим научником. Тина же была новенькая, никто ей об этом не сказал, а писать у Виктора Николаевича ей посоветовал руководитель аспирантуры. Только потом в разговорах с другими аспирантами Тина не раз слышала:

– У тебя Балдин? Правда, что он звонит по ночам и заставляет болтать с ним?

И обязательно кто-нибудь комментировал:

– По ночам? Это что, секс по телефону?

А дальше – взрыв грубого, какого-то подросткового смеха.

Нет, по ночам Балдин ей пока не звонил. Но теперь точно будет, думала Тина. Виктора Николаевича взбудоражила ее тема. Тина тоже завелась из-за кофеина, обсуждений и самого Виктора Николаевича. Она почувствовала влечение к научному руководителю и постаралась прогнать эти мысли. Но поздних звонков от него она стала ждать уже тогда, в октябре. Вечером, сидя за ноутбуком, она так часто поглядывала на телефон, что стала одергивать себя, убирать мобильник подальше, играть перед собой моноспектакль – не ждет она никаких звонков. А на самом деле Тина сидела в напряженном ожидании, прислушиваясь, как кошка, когда ее, придавленную тяжелой тишиной, наконец спасет тот самый поздний звонок.

Но весь осенний семестр, пока Тина работала над своей первой статьей, он не звонил. Она искала предлог, чтобы написать ему самой, но не находила. Повод появился только перед самым Новым годом – она закончила статью и отправила ему текст. Виктор Николаевич ответил, что статья получилась отличная, сказал, можно отправлять в научный журнал. Но Тина

была не рада. Короткого ответа, какой-то жалкой отписки ей было недостаточно. Никаких правок, никаких звонков – она явно сделала что-то не так, у Виктора Николаевича пропал к ней интерес. Интерес к ее теме. Надо было что-то написать ему еще, завязать разговор. Только что? Они давно не виделись, его лекции у ее группы закончились в ноябре. Тина думала поздравить научного руководителя с наступающим, но не решилась.

Новый год она встретила одна в своей крошечной студии на Парнасе. С утра выпила полбутылки шампанского, потом поспала, вторую половину прикончила около полуночи. Открыла еще одну бутылку. Из окна смотрела, как в соседнем жилом комплексе «Северная долина» пускают салюты на еще не застроенном пустыре через трассу. Разноцветные бусины рассыпались на уровне ее окна. Первого и второго января она провалялась в постели, пила и смотрела кино. А третьего числа Виктор Николаевич написал.

Глава 5

Аля

К нам в плацкарт больше никто так и не подсел, только женщина с сыном лет четырех устроилась на боковушке. За окном мелькали панельки, мы проехали здание моего факультета, где каждый день, сидя на парах, мы слышали, как мимо грохочут поезда. Еще раз по вагону прошел проводник: «Документики к проверочке готовим». Когда с проверкой было покончено, я получила постельное белье и застелила свою полку, хотелось скорее лечь читать. Старушка тем временем накрывала свою половинку стола.

– Я сама с Суры-то, – заговорила она, очищая яйцо. – Слышала?

– Нет, – ответила я. – Это тоже на Пинеге?

– А как же! Родина Иоанна Кронштадтского. А бабка твоя, напomini-ка, откуда?

– Из Лавелы, – сказала я.

– Тоже из верхушек, кабыть. Бывала там ужо?

– Когда мне было два года, мы жили там какое-то время. Больше не была.

Старуха дочистила яйцо и откусила. Показался посеревший желток, запах быстро накрыл плацкарт и забился в нос. Свободной рукой она подцепила половинку помидора и надкусила свежий плод. Красный сок побежал по морщинистой руке.

– Ух, все запатрала, – сказала старуха, вытирая руку о салфетку. – В Лавеле бывала, как не бывать, все рядом. Как деревня-то появилась, слышала?

– Нет.

– Жил там народ – чудь. Была у них девица, Ла звать. Ковды князь новгородский пришел чудь гнать, Ла собрала отряд и повела на князя с евонна воинами. Ударило войско князя по чуду и перебило всех. Уж после битвы идет Ла к крѣжу у самой реки, смотрит вниз и видит, как по реке покойников несет, и крови столь, что воды не видать. Прибило покойников к самому крѣжу, где стояла Ла. Там шибко крутой поворот река делает, а течение слабое-слабое, что покойников не унести дале, остались они у самого подножья. Ла смотрела на свой отряд мертвецов да кляла князя с евонна воинами. А князю по нраву пришлась своеносная чудская девица, пошто в честь Ла, что вела, и назвали местечко Лавела.

– Я думала, Лавела – это что-то с одного из финно-угорских языков, нет? Мы в универе учим финский. Там все ударения на первый слог, как у Лавелы.

Старушка молчала, снова набивая рот. Может, не расслышала, может, не поняла мой вопрос, а может, просто есть так хотела. Я раскрыла книгу Айрис Мердок и начала читать, но сосредоточиться не могла, смысл повествования ускользал от меня. Лавела, Лавела. Конечно, я ничего не помнила о нашей жизни в деревне. Мама почти о ней не говорила, только сказки

какие-то рассказывала, я не понимала, что из этого правда, а что нет. В интернете о Лавеле информации тоже почти не было. Из Википедии я узнала, что Лавела – это умирающая деревня с населением всего сорок шесть человек. Кроме Википедии Лавелу описал Пришвин, который побывал в ней сто лет назад, – дом к дому у самой воды, на домах деревянные коньки, пахнет дымом, но звуков нет совсем, даже собаки не лают. Видимо, никогда там много народу и не жило.

За окном как в быстрой перемотке мелькали смазанные кадры лесов и деревень. Мы мчались все дальше от Белого моря, в глубь области, к самой границе с Коми.

– А что такое верхушки? – спросила я старушку. – Вы сказали, что моя бабушка из верхушек.

– С верховья Пинеги.

– Сура тоже в верховье?

– Да-а... – протянула она. – Река-то у нас длинная. Много ведь она повидала. Да мы много на ней повидали. Мужа моего его собственный батя водяному чертику посулил. Должен он был в жонки чертикову дочь взять, а он меня выбрал. Потом долго ишо долг отдавали.

Она пожевала, бросила на меня хитрый взгляд, будто проверяя мою реакцию, и продолжила:

– Пошла я купаться на реку. Не знала ишо тогда, что волосье надо лентой подвязывать, чтобы не волочились по воде. А были они у меня длинные, вон, как у тебя. Так этот чертик схватил меня за волосье-то. Я еле выскочила, чуть не утащил. Другой раз ишо пошла на реку белье полоскать. Ужо последнюю тряпку полощу, как чертик тряпку-то потянул, я за ней – и в воду. Опеть еле выскочила, околела вся, чуть не утащил. Опасно мне на реке-то было. Но невдолге кончилось все.

Старуха, видимо насытившись, стала заворачивать оставшуюся еду. Я следила за тем, как она шелестела пакетами, как быстро и привычно работали ее пальцы.

– Вот с мужем ездили невод ставить, поможала я ему. На реке тихо было. Вдруг слышу всплеск за спиной. Муж говорит, что-то огромное, черное, все в тине выпрыгнуло, из самих из глубин поднялось, да обратно унырнуло. Мы сразу к берегу. Опосле идем домой, неспокойно на душе. Оказалось не зря. Подходим к избе и видим – свет горит. Помню точно, что тушили свечку-то, откуль свет-то. Припужались. Заглянули в окна. Все мерцат-мерцат, не видать ничего. Подошли к двери, она заперта, а изнутри звук будто прыгает кто, роняет что-то, колотит в стенку. Сели на крыльцо да перекрестились три раза. Воротца отворились, свет погас. Заходим в передызье, в избу – никого будто и не было. Через три дня муж слег, да и помер. Тепереча меня река не трогает. Увела, что нать ей.

Поезд плавно тормозил. Я посмотрела в окно: кругом лес – не видно, что за станция.

– Паленьга, – тихо сказала старушка, тоже глядя в окно. – К самой реке уж подъехали, девонька.

Пока мы были на станции, я решила выйти в тамбур и позвонить маме. Она сразу же взяла трубку.

– Ну как ты там? Два часа прошло, три осталось. Не скучаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.